

Куликова Е. Ю.

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

АБИССИНИЯ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА И ПАВЛА БУЛЫГИНА

Сюжетная переключка Н. Гумилева и П. Булыгина основана на интересе к миру Африки обоих писателей. Африканские путешествия являются своего рода визитной карточкой Н. Гумилева. Для Булыгина важен гумилевский подтекст, почти мистическая канва образов, сюжетные повороты, не случайно финал каждой его новеллы таит в себе пуант, открывающий странный и загадочный мир Абиссинии.

Ключевые слова: Африка, путешествие, сюжет.

Постановка проблемы. Африканские путешествия являются своего рода визитной карточкой Гумилева. И. Одоевцева, описывая своего учителя, подчеркивала: «Поэт, путешественник, воин, герой – это его официальная биография, и с этим спорить нельзя» [22, с. 47]. В стихотворении «Память» задана судьба Гумилева не только в пространстве, но и во времени, где бытие вмещает в себя целый сгусток существований:

«Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня» [12, с. 309].

Среди разных ликов возникают лица поэта, воина, но Гумилев отдает явное предпочтение ипостаси путешественника:

«Я люблю изгнанника свободы,
Мореplавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.
Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны» [12, с. 309].

Постановка задания. Освоение новых пространств, во всяком случае, стран, мало привычных для белого человека, привлекает поэта и наполняет вдохновением. «Первобытный мир с девственной природой Гумилев находил в экзотических странах. Только там поэт – Адам мог обрести свой первозданный рай, и там путешественник Гумилев ощущал радость и полноту бытия... Поэт-акмеист уподоблялся первому человеку – Адаму» [24, с. 5]. «Африканские стихи Гумилева сделали его поэтом: он нашел

оригинальную тему и занял с ней свое место в поэзии» [7].

Изложение основного материала исследования. Л. Аллен отмечает, что «тогдашняя Африка, в основном франкоязычная, привлекла сначала Гумилева с тем большей силой, что ее самобытная культура была вся пропитана соками, исходящими из Франции» [1, с. 237]. Жирафы и леопарды Гумилева, пишет А. Б. Давидсон, «порождены не подлинным морским и тропическим миром, не Африкой, а Монпарнасом... навеяны... Леконтом де Лилем, Бодлером, Кольриджем, Стивенсоном, Киплингом» [13, с. 41]. Несмотря на очевидное влияние французской культуры и увлечение африканскими мотивами многих французских художников (например, Дерена, Матисса, Гогена, Пикассо), «уже современники и соратники по второму «Цеху поэтов» отмечали, что экзотизм африканских стихов Гумилева обладает совсем иной породой, нежели «экзотизм Гогена и все, что ему родственно»... Если в пассивном экзотизме Гогена Адамович видел выдумку мечтательного и усталого поколения, «отвыкшего от действия и ищущего утешения и обмана», то в африканских стихах сборника «Шатер» поэт и соратник Гумилева по второму Цеху совершенно справедливо усмотрел желание одухотворить «огромную, беспредельную во всех измерениях материю», преобразить движением, поэтическим ритмом «косный сон стихий» [25, с. 6].

Экзотические мотивы волновали Гумилева также через Брюсова и Бальмонта и тягу символистов к экзотическим странам. Мечты и стихи, в которые они вылились в «африканских» стихах поэта, оказались настолько убедительными, что

долгое время считались именно впечатлениями, а не чистым вымыслом. Между тем они воплотились в жизни Гумилева практически полностью: его дальнейшее творчество продолжило эту отчасти символистскую традицию, обращенную к романтизму с его пристрастием к азиатскому, кавказскому и восточному колориту. По словам Н. Оцупа, «модернисты открывают новую Европу. Их привлекает прежде всего Франция, но они также чувствительны к чарам Азии, Африки, Дальнего Востока, древних исторических и даже доисторических времен... В то время как мэтры модернизма ограничивались кабинетными путешествиями в историю и географию народов... Гумилев лелеял мечту посетить далекие страны, увидеть собственными глазами другую природу, другие костюмы и цвета, слушать песни и молитвы диких племен» [23, с. 25].

Большинство африканских впечатлений отражены в стихах сборника «Шатер», изданного в Севастополе в 1921 г., – последнего прижизненного сборника Гумилева. Поэт сделал подзаголовок: «Стихи 1918 г.», тем самым подчеркнул документальность личных переживаний в описании любимой страны. Гумилев видит мир сказочным и экзотическим, опираясь на личные впечатления, которые одновременно вымышлены и, безусловно, прожиты, вычитаны из книг и пройдены буквально сотнями дорог. Э. Ф. Голлербах отмечал, что «Муза Гумилева живет в призрачной, воображаемой стране. Ничего не значит, что поэт сам побывал в далеких странах, видел воочию пустыни Африки... в той стране, где живет его муза, все преобразуется, видоизменяется по ее прихоти» [8, с. 467]. Подобно А. Рембо, Гумилев познал сердце Африки, и его любовь к этой стране отразилась в сборнике «Шатер».

География Гумилева-путешественника подчинена литературным принципам: пространство «собирается» из цитат, которые выдаются за «впечатления», но в то же время остаются цитатами, отчего стихи обретают «картинность», становятся «артистическими стихами», не позволяющими забыть об условности того яркого мира, который создает поэт. «Воображаемые пространства... все до одного представляют чьи-то замыслы и выдумки... Посредством этих выдумок наше слово и наше сознание оформляют русскую карту... Наш мир сочинен, условен – тут нужно услышать корень «слово», – пространственно противоречив, невидимо бумажен» [2, с. 11].

Гумилев «сочиняет» африканский мир, исследуя его как путешественник и как поэт. Не только

«Шатер» и некоторые другие стихотворения Гумилева посвящены этому удивительному континенту. Есть и документальная проза – «Африканский дневник» (1913), который представляет собой ряд путевых заметок «странствующего поэта»: четыре его главы – точно «введение» к основной части, внезапно оборванное перед собственно самим африканским путешествием. «Африканский дневник» состоит из ряда очерков, воссоздающих впечатления Гумилева на определенном отрезке пути, и предыстории поездки. Рассматривать его как исключительно исторический документ очеркового характера или же как художественный травелог, продолжающий ряд «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина или «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина, – вопрос, который так или иначе возникал у исследователей творчества Гумилева.

Документальность и историчность дневника подтверждает его «вторая часть», частично опубликованная в журнале «Наше наследие» В. В. Бронгулеевым и позже целиком выставленная в электронном журнале «Academic Electronic Journal in Slavic Studies» Е. Степановым, который получил фотокопии от А. Б. Давидсона. Гумилев планировал напечатать «Африканский дневник» по приезду в Петербург из Африки, а его «продолжение», безусловно, предназначалось для других целей: «Первоначально Гумилев действительно хотел писать свои путевые заметки сразу в литературной форме, годной для публикации... Однако дальше все стало меняться. Гумилев перешел на обычный способ фиксации только самых главных происшествий, основных пунктов маршрутов и продолжительности дневных переходов... Записи приняли... характер типично полевого дневника» [4, с. 84], – пишет, комментируя «вторую часть» африканских впечатлений Гумилева, В. Бронгулеев.

Историческая значимость дневника и «реальность» происшествий, происходящих с героями, – первый и основной критерий для определения его жанровой сущности – документального очерка. Безусловно, в «Африканском дневнике» есть и черты художественности, проявляющиеся в многочисленных поэтических описаниях, и черты документальные, поэтому текст Гумилева интересен и филологам, и историкам. Взаимодействие поэзии, прозы и «факта» в творчестве Гумилева – вот сочетание, которое делает его «путевые заметки» одновременно литературным произведением и историческим очерком. Дневник оказывается своего рода материальным фоном, как бы

«фабулой» лирического сюжета стихов Гумилева. Литературность географии содержит в себе динамический потенциал: она расширяет границы лирического «я», наделяя его множеством условных ролей, которые ставятся вровень с биографической судьбой.

Африка Гумилева вдохновила незаслуженно забытого ныне поэта и новеллиста Павла Булыгина, покинувшего Россию после революции и расследовавшего дело об убийстве императорской семьи, чему посвящено его исследование «Убийство Романовых. Достоверный отчет». Гумилев был любим Булыгиным и за творчество, и за судьбу – такую показательную после революции.

В Абиссинии Булыгин написал ряд очерков – «Современная Абиссиния», «Русские в Абиссинии», «Жизнь русских в Абиссинии». «Его всегда тянуло к необычному, его звали дальние страны, экзотические миры, необычайная обстановка» [6, с. 5], – писал в предисловии к книге Булыгина «Янтари» известный критик русской эмиграции Петр Пильский.

Африканские рассказы Булыгина – это очерки и впечатления, описывающие быт туземцев. Они ориентированы на гумилевские наблюдения и описания, сделанные как в «Африканском дневнике», так и в «экзотических» стихах. Рассказы Булыгина также сочетают в себе элементы документального очерка и черты художественности: они построены в форме новелл, почти в каждой в финале разрешается какая-то загадка, прежде всего, связанная со странными, на европейский взгляд, традициями абиссинцев.

В рассказе «Соу Джин» («Человек-гиена») (Очерк из абиссинской жизни) идет речь о человеке-гиене: это странное существо, о котором поведал герою-повествователю Абачанака – его местный слуга. Соу Джин «обыкновенно угрюм, но, если встретив человека, скажет ему похвалу, погладит ребенка или саблю воина – заболит ребенок и заржавеет «гурада». Днем он работает в поле, как все, но лишь стемнеет... крадется чашей голый, черный старый человек на четвереньках. Теперь он – гиена, он повторяет все ее хватки и ухает, подражая ей... человек становится зверем, злее и отважнее зверя» [5, с. 31]. Когда рассказчик встречается с Соу Джин, он описывает его глаза так: «темнота глянула оттуда, темнота черных веков грозной пустыни» [5, с. 33].

Рассказ Булыгина перекликается с новеллами Гумилева «Черный Дик» (1908), стихотворениями «Гиена» (1907) и «Ужас» (1907) – текстами, в которых явно описан мотив «оборотничества» – пре-

вращения человека в зверя. «Уже первые критики, обратившиеся к раннему творчеству Гумилева, особо отмечали пристрастие поэта к «бестиарной» образности, причем для большинства из них эта особенность творчества поэта вызвала иронические замечания» [14].

В стихотворении «Гиена», африканский топос которого четко обозначен в начале («Над тростником медлительного Нила»), Гумилев приводит монолог зверя:

«Смотри, луна, влюблённая в безумных,
Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растенья.
Смотрите все, как шерсть моя дыбится,
Как блещут взоры злыми огоньками,
Не правда ль, я такая же царица,
Как та, что спит под этими камнями?
В ней билось сердце, полное изменой,
Носили смерть изогнутые брови,
Она была такую же гиеной,
Она, как я, любила запах крови» [12, с. 97].

Повествование в балладе «Ужас» ведется от первого лица и выдается за страшный мистический сон. Герой «одиноким шагом» ночью пересекает неведомое пространство, наполненное враждебными объектами («статуи из ниш», «в угрюмом сне застыли вещи», «в тени столпившихся колонн»), и гибель его ждет при встрече с человеком-зверем:

«И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущен
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.
Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.
На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!» [12, с. 99]

Страх сравнивается со зверем, что словесно умножает переживание героя. Безумное видение напоминает маскарадный наряд, когда на голову человека надевается маска в виде морды какого-либо животного.

В новелле «Черный Дик» нет экзотического пространства, но в финале жестокий и своевольный герой оборачивается зверем: «Черный Дик несся впереди всех, и видны были только его широкая спина и худощавые мускулистые ноги, делавшие огромные прыжки... девочка... жалобно

взмахнув руками, покатила в пропасть. . . Дик протяжно завыл и прыгнул вслед за ней. Мы остановились в тревоге, потому что, хотя и знали, как хорошо он прыгал, но нас смутил его странный, совсем нечеловеческий вой. Сразу опомнившись, мы стали поспешно спускаться, решая положить конец слишком затянувшейся шутке. Было уже темно, и над морем вставала бледная и некрасивая луна. . . Наконец, на самом дне мы увидели белое пятно и узнали девочку с разбитой головой и грудью, из которых текла кровь; но Дика не было нигде.

Мы приблизились к разбившейся и вдруг отступили, побледнев от неожиданного ужаса. Перед ней, вцепившись в нее когтистыми лапами, сидела какая-то тварь, большая и волосатая, с глазами, горевшими как угли. С довольным ворчанием она лизала теплую кровь, и, когда подняла голову, мы увидели испачканную пасть и острые белые зубы, в которых мы не посмели признать зубы Черного Дика. С безумной смелостью отчаяния мы бросились на нее, подняв багры. Она прыгала, увертывалась, обливаясь кровью, злобно редела, но не хотела оставить тела девочки. Наконец, под градом ударов, изуродованная, она свалилась на бок и затихла, и тогда лишь, по обрывкам одежды, могли мы узнать в мертвом чудовище веселого товарища – Черного Дика» [11, с. 46].

Интересно то, как Булыгин «реагирует» на тексты Гумилева. Он создает свой этнический очерк, без намека на какие-либо элементы фантастики, его рассказ основан на событиях, произошедших в Абиссинии, но отсылки к художественным текстам с ирреальными элементами (пожалуй, даже чертами хоррора), говорят о литературной направленности очерка. Интертекст в данном случае оказывается двойственным: если у Гумилева образ «человека-зверя» в ранних его произведениях лишь косвенно связан с экзотическим миром (а в «Черном Дике» так и вообще этого нет), то Булыгин использует фантастические мотивы для подчеркивания местного колорита, играя с обычаями абиссинцев и их суевериями. Столкнувшись с Соу Джином, Абачанак заболел – и это следствие встречи, по мнению абиссинцев. Заканчивает рассказ Булыгин так: «Только удвоенная порция опиума и черного кофе помогли мне справиться с чарами рассерженного Соу Джина» [5, с. 33]. Интонация у писателя напоминает реплики Максима Максимыча из «Героя нашего времени» Лермонтова, когда тот, описывая осетинские нравы, слегка иронизирует и как будто посмеивается.

Надо отметить, что в «Африканском дневнике» Гумилева гиены упомянуты четыре раза, вообще, этот образ, безусловно, привлекал его и как поэта, и как путешественника по Африке.

При описании Суэцкого канала и его берега в «Африканском дневнике» и в одноименном стихотворении из цикла «Шатер» упоминаются гиены:

«Африканский дневник»

«Изредка показывается какой-нибудь зверь, собака, может быть, гиена или шакал» [11, с. 74].

«Суэцкий канал»

«Суэцкий канал»

«С обвалившихся стен

И изгибов канала

Слышен *хохот гиен,*

Завыванья шакала» [12, с. 22].

Африка у Гумилева «звучит» в гудках пароходов, похожих на «переливы рояля», в криках арапчат и проклятиях марабута, в хохоте гиен и завываниях шакала. При описании кладбища Св. Иоанна («XX век») Булыгин отмечает «стоголосый лай, визг и вой... нетерпеливо ухажущих гиен» [5, с. 69].

Новелла Булыгина «Обезьянья царица» построена как исключительно документальный рассказ об обезьянах, с которыми герою пришлось столкнуться, и которые объявили ему войну на кофейной плантации. Они губили ветки с ягодами, вырывали молодые побеги – создавалось впечатление, что племя действует по определенному плану. Когда же повествователь убил «негисту» (императрицу) и «забанью» (сторожа), его африканский слуга посоветовал уехать из этих мест, не объясняя причины. Через два года герой узнал, что обезьяны вернулись после отъезда и ограбили его огород.

Казалось бы, никакого мистического подтекста в рассказе нет, это просто история о столкновении с обезьянами, о которых сказано в самом начале: «Я люблю обезьян. Я всегда их любил. Еще со времен детства» [5, с. 35]. Однако «враждебные действия» тоток заставляют героя с ружьем в руках отстаивать плантацию. Самым же удивительным для него оказывается их реакция – они мстят человеку, погубившему их «императрицу». Для самого повествователя этот момент не поддается рациональному объяснению.

Между тем, если вспомнить новеллу Гумилева 1908 г. «Лесной дьявол», то можно вполне увидеть заданный контекст. Новелла входит в ряд почти фантастических. Хотя ее действие и происходит в Западной Африке, это совсем не натура-

листический очерк, а экзотическое повествование о событиях VII – VI вв. до нашей эры. И как будто никакого сходства с документальными записями Булыгина оно не имеет, но мы полагаем, что история про обезьян была создана не без воздействия этой романтической новеллы Гумилева.

Старый павиан, ужаленный змеей, выглядит вполне человечно, а текст построен по сюжету о красавице и чудовище. Страх быть погубленной ужасной обезьяной трансформируется в душе героини в странное, сложное чувство к существу, которое, как полагает девушка, было убито по ее мольбе богине Истар. Булыгин в своем совсем не романтическом и не наполненном трагической динамикой очерке тоже подчеркивает свое двойственное отношение к обезьянам.

Тем не менее, в том и другом случае – и в фантастической новелле Гумилева, и в документальном очерке Булыгина – животные выступают в какой-то особенной человеческой ипостаси. Они мыслят: в «Обезьяньей царице» это видно по их действиям, логически выверенным и выстроенным – как при разрушении плантации, так и в качестве мести убийце; в «Лесном дьяволе» практически «от лица» павиана написаны первые две части – он ищет целебную траву, он убивает коня, он поражен красотой украденной девушки.

В творчестве Гумилева вообще много обезьян: это павианы из стихотворения «Абиссиния» («Павианы рычат средь кустов молочая, / Перепачкавшись в белом и липком соку» [10, с. 28]), «Африканского дневника» («И сейчас же за городом начинаются горы, где стада павианов обгрызают молочаи и летают птицы с громадными красными носами» [11, с. 85]), «Африканской охоты» («Из глубины ущелья повалило стадо павианов. Мы не стреляли. Слишком забавно было видеть этих полусобак, полулюдей, удирающих с той комической неуклюжестью, с какой из всех зверей удирают только обезьяны. Но позади бежало несколько старых самцов с седой львиной гривой и оскаленными жёлтыми клыками. Это уже были звери в полном смысле слова, и я выстрелил. Один остановился и хрипло залаял, а потом мед-

ленно закрыл глаза и опустился на бок, как человек, который собирается спать. Пуля затронула ему сердце, и, когда к нему подошли, он был уже мёртв» [11, с. 107-108]) и поэмы «Мик» («И клялся старый павиан / Седую гривую своей, / Что есть цари у всех зверей, / И только нет у обезьян» [9, с. 12]).

В очерке Булыгина «Занду и Шанко» всплывает история о «глупой обезьяньей жене» – девочке Шанко. Она была украдена большими обезьянами, а когда ее нашли односельчане, «она пыталась спастись от них на дерево... и, схваченная, царапалась и кусалась» [5, с. 67]. Повествователь интересуется этим «одичавшим, злым и пугливым существом», дарит ей кусок медной проволоки в виде браслета. И тогда Шанко рассказывает ему, что «обезьяна, укравшая ее, жила с ней, как муж, и щипала ее» [5, с. 67]. Однако другого раза расспросить девочку не представляется, так как она пропадает. В финале повествователь узнает, что Шанко стала жертвой удава Занду, подстерегающего людей и животных. Последняя фраза рассказа: «Здесь кончила свои дни бедная Шанко, черная жена обезьяны».

Выводы. Сюжетная переключка новеллы Гумилева и Булыгина основана на интересе к миру Африки обоих писателей. В данной статье мы коснулись только двух очерков Булыгина, между тем их гораздо больше, кроме того, есть еще и «африканские» стихотворения. Тем не менее, особенности проанализированных нами текстов позволяют сделать следующий вывод. Если Гумилев видел экзотическое пространство разным, поэтически описывая его и в документальном дневнике, и в фантастических рассказах, и в балладах, и в лирических стихотворениях, то в прозе Булыгина, на первый взгляд, преобладает этнографический аспект. Его тексты выглядят как документальные очерки-эссе. Однако это только внешнее впечатление. Для Булыгина важен гумилевский подтекст, почти мистическая канва образов, сюжетные повороты, не случайно финал каждой его новеллы таит в себе пуант, открывающий странный и загадочный мир Абиссинии.

Список литературы:

1. Аллен Л. У истоков поэзии Н. С. Гумилева. Французская и западноевропейская поэзия // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. – СПб. : «Наука», 1994. – С. 235–252.
2. Балдин А. Н. Протяжение точки: литературные путешествия. Карамзин и Пушкин / А. Н. Балдин. – М. : Эксмо, 2009.
3. Баскер М. «Далекое озеро Чад» Николая Гумилева (К эволюции акмеистической поэтики) / М. Баскер // Гумилевские чтения: Материалы междунар. конференции филологов-славистов. – СПб. : СПб. гум. университет профсоюзов и Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1996. – С. 125.
4. Бронгулеев В. В. Африканский дневник Н. Гумилева / В. В. Бронгулеев // Наше наследие. – 1988. – № 1. – С. 79–87.
5. Булыгин П. Страницы ушедшего: рассказы / П. Булыгин. – М. : Изд-во АCADEMIA, 2010.
6. Булыгин П. Янтари / П. Булыгин. – Рига, 1937.
7. Видугирите И. Стихотворение «Жираф» и африканская тема Н. Гумилева / И. Видугирите [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gumilev.ru/about/50/>.
8. Голлербах Э. Ф. Н. С. Гумилев (к 15-летию литературной деятельности) / Э. Ф. Голлербах // Н. С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. Изд. 2-е. – СПб. : РХГИ, 2000. – С. 467.
9. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). – М. : Воскресенье, 1999.
10. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). – М. : Воскресенье, 2001.
11. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Художественная проза. – М. : Воскресенье, 2005.
12. Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. – Л. : Сов. писатель, 1988.
13. Давидсон А. Муза странствий Николая Гумилева / А. Давидсон. – М. : «Наука», Изд. фирма «Восточная лит. », 1992.
14. Золотухина Н. А. Поэтика новелл Н. С. Гумилева 1907–1909 годов / Н. А. Золотухина. – Харьков : Харьковская гос. акад. дизайна и искусств, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gumilev.ru/about/133/>.
15. Куликова Е. Ю. Африканские «картинки из книжки старинной» Н. Гумилева / Е. Ю. Куликова // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 4. – С. 76–83.
16. Куликова Е. Ю. Воображаемая география Николая Гумилева (Африканский дневник) / Е. Ю. Куликова // Slavic Almanac: The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies. 2014. Vol. 20. № 2. Pretoria: Unisa. P. 21–34.
17. Куликова Е. Ю. «Дальние небеса» Николая Гумилева: Поэзия. Проза. Переводы / Е. Ю. Куликова. – Новосибирск, 2015. – С. 213–252.
18. Куликова Е. Ю. Динамические аспекты пространства в лирике акмеистов: лейтмотивная поэтика : дисс. ... д. ф. н. / Е. Ю. Куликова. – Новосибирск, 2012. – С. 39.
19. Куликова Е. Ю. История... проза... поэзия? (Заметки об «Африканском дневнике» Николая Гумилева) / Е. Ю. Куликова // Универсалии русской литературы. – Воронеж : ООО ИПЦ «Научная книга», 2012. – Вып. 4. – С. 525–542.
20. Куликова Е. Ю. Морской тоpos в «Африканском дневнике» Н. Гумилева / Е. Ю. Куликова // Филологический класс: региональный методический журнал учителей словесников Урала. – № 1(31). – 2013. – С. 62.
21. Никитин А. Л. Неизвестный Николай Гумилев. Исследование и публикация текстов / А. Л. Никитин. – М. : «Интерграф Сервис», 1996. – С. 9–49.
22. Одоевцева И. На берегах Невы / И. Одоевцева. – М. : Худ. лит. , 1989.
23. Оцуп Н. А. Николай Гумилев. Жизнь и творчество / пер. с франц. Л. Аллена при участии С. Носова. – СПб. : Изд-во «Logos», 1995.
24. Полиевская А. С. Экзотический тоpos в творчестве Н. С. Гумилева : автореф. дисс. ... канд. филол. Наук / А. С. Полиевская. – М. , 2006.
25. Раскина Е. Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева : автореф. дисс. ... докт. фил. наук / Е. Ю. Раскина. – Архангельск : Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2009.
26. Степанов Е. Неакадемические комментарии – 3 / Е. Степанов // Academic Electronic Journal in Slavic Studies. University of Toronto. – № 20. Spring 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gumilev.ru/biography/54/>.

АБІССІНІЯ МИКОЛИ ГУМІЛЬОВА ТА ПАВЛА БУЛИГІНА

Сюжетна перекличка М. Гумільова і П. Булигіна заснована на інтересі до світу Африки обох письменників. Африканські подорожі є свого роду візитною карткою М. Гумільова. Для Булигіна важливий гумільовський підтекст, майже містична канва образів, сюжетні повороти, не випадково фінал кожної його новели таїть в собі пунти, що відкриває дивний і загадковий світ Абіссинії.

Ключові слова: *Африка, подорож, сюжет.*

ABYSSINIA NIKOLAI GUMILYOV AND PAVEL BULYGIN

The plotting of N. Gumilev and P. Bulygin is based on interest in the world of Africa of both writers. African travels are a kind of visiting card of N. Gumilev. For Bulygin is important Gumilev subtext, almost mystical outline of images, plot twists, it is no accident that the finale of each of his novels is fraught with a point, revealing the strange and mysterious world of Abyssinia.

Key words: *Africa, travel, plot.*